

Полина стояла у окна. Через два часа ей должно было исполниться тридцать — юбилей! — но она не пекла пирогов, не готовилась к приходу гостей, не примеряла нового платья в ожидании праздника, а молча и неподвижно стояла у окна, размышляя о своём прошлом. Хотя какое там “прошлое” может быть у старой девы?..

Отчаявшись что-либо изменить в своей пресной судьбе, Полина перестала даже надеяться на счастье, — да что там счастье! — даже на его мимолётный проблеск, уж слишком всё это казалось теперь несбыточным. Проще говоря, она устала. Устала всё время кого-то ждать, что-то придумывать, чтобы собственное унылое существование не казалось таким заплесневелым, устала притворяться гордой и независимой.

Но сейчас она с неотвязной тревогой поглядывала на календарь, где красным фломастером был обведён день её рождения — тридцать первое декабря, канун Нового года. Полина обвела это число машинально, ни о чём как будто и не думая, но мало-помалу в её подсознании сформировалось странное убеждение: в этот день должно что-то произойти. Плохое ли, хорошее — она не знала. Но непременно должно было случиться то, что разрушит её привычный, до зевоты опостылевший мирок, из которого она вот уже много лет никак не могла выбраться. И эта волшебная перемена произойдёт ровно в девять вечера — именно тогда, когда она появилась на свет! А пока оставалось одно: ждать. Ждать и вспоминать все неудачи и промахи своей никчёмной жизни.

А началось всё с театра. Полина бредила сценой. Она так мечтала об артистической карьере, что ей было даже неважно, в какой именно театр поступать. Практики у неё не было ни малейшей, да и быть не могло, ведь Полина держала свою мечту в таком секрете, что даже родители ни о чём не догадывались. Впрочем, перед подружкой-однокурсницей тайну пришлось всё-таки раскрыть, больше того, уговорить разбитную, бедовую подружку поехать с ней вместе в Москву, поступать во МХАТ — Полина наконец-то решила, что именно этот театр должен стать её судьбой.

И вот вместе со своей “группой поддержки” Полина уехала покорять Москву, оповестив родителей о своём решении в самый последний момент. Мама даже не успела сварить дочери курочку на дорогу... Не беда! Подруги запаслись бутербродами, хотя Полине было вовсе не до еды: всю ночь напролёт будущая артистка повторяла монолог Ларисы из “Бесприданницы” и только под утро забылась на пару часов тревожным сном.

Перед экзаменом, — очевидно, сказались усталость и волнение, — на Полину напала какая-то странная слабость, почти безразличие: она будто бы совсем и не нервничала, в отличие от других. Но, войдя в зал, где заседала приёмная комиссия, Полина со стыдом и ужасом поняла, что экзамен она провалит. Поняла, не промолвив ни единого слова: от волнения у неё пропал голос. С непередаваемым чувством бессилия и острого отвращения к самой себе она беззвучно открывала и закрывала рот, так и не сумев выдать ни звука из онемевшего горла.

— Вы, очевидно, читаете монолог Золотой Рыбки? — пошутил один из экзаменаторов.

Но Полина была не в состоянии оценить его остроумие...

Когда подруга подскочила к ней с единственным: “Ну?!” — Полина горько разрыдалась, с изумлением чувствуя, что голос вновь её слышается...

На этом и закончилась её бесславная артистическая карьера.

Вторично поступать Полина не стала: пережить такой крах ещё раз было ей не под силу. Она вернулась домой подавленная, смирившаяся и какая-то отрешённая... И без того не слишком бойкая, теперь Полина сделалась совсем робкой и нерешительной, к тому же замкнулась в себе так, что все подруги мало-помалу от неё отделились. Но сама Полина об этом почти не жалела: общение с кем бы то ни было стало для неё в тягость. И если знакомые спрашивали при встрече: “Как дела, Полиночка?” — то девушке неизменно чудилось: “Ну что, артистка погорелого театра?..” Немудрено, что она спешила перейти на другую сторону улицы, заметив свою знакомую.

А вот родители отнеслись к дочкиной катастрофе совершенно спокойно — для них это была всего-навсего житейская неудача. Да и какая там артистка могла выйти из их неуверенной, робкой дочери? Гораздо больше они сокрушались по поводу странного дочкиного решения оформиться в столовую судомойкой. Особенно возмущалась мать, изумляясь, с чего бы это её неглупая, начитанная, развитая девочка вдруг надумала пойти на такую грубую и непрестижную работу?..

Откуда было матери знать, что для Полины всё кончено, и её уже абсолютно не волнует, где и кем работать. Несостоявшаяся артистка пыталась забыть своё горе за нелёгким, отупляющим трудом судомойки, за домашними хлопотами, за чтением, к которому пристрастилась ещё с детства. Ей, как ни странно, почему-то и в голову не приходило, что в её размеренной, тоскливой жизни может найтись место любви. Ведь она изначально была уверена, что закоренелых неудачников любовь обходит стороной.

Из бессонных ночей и горестных раздумий стали появляться стихи:

*Я уже разучилась летать.
С каждым годом слабей мои крылья.
Что осталось мне в жизни — страдать?
Горько плакать в ночи от бессилья?..*

А потом случилось самое страшное: от тяжёлой болезни умерла мать. Вскоре скончался и отец, пережив свою жену всего на два месяца, и Поли-

на осталась совершенно одна, непристроенная и неудачливая... К тому времени ей было уже двадцать пять. Но парни её не замечали, а вернее, сторонились, словно побаиваясь в ней чего-то. Может быть, их отпугивала Полина строгость, постоянная серьёзность и сосредоточенность?..

А ведь Полина была далеко не уродина! Изящная, стройная, с густыми золотистыми волосами, аккуратным носиком, пухлыми, нежно очерченными губками — чем не сказочная красавица Белоснежка? Но в её взгляде таилась такая отрешённость от мира, такая печаль и неприступность одновременно, что никому из парней и в голову не приходило поухаживать за Полиной. Да и ей, в общем-то, никто не был нужен, пока... Пока в соседней квартире не появились новые жильцы со своим сыном — семнадцатилетним красавцем Русланом.

Как ни странно, Руслан как будто бы не осознавал своей по-южному яркой, броской красоты, общаясь со всеми просто, дружелюбно и, казалось, упорно не замечая восторженных взглядов девочек, которые так и крутились вокруг него. Понравился он и Полине. И ей впервые в жизни подумалось, что, может быть, она не совсем уж напрасно появилась на свет, если судьба каждый день позволяет ей любоваться таким славным парнем... Она смотрела на него не как влюблённая девушка, нет! А как художник смотрит на прекрасную картину, получая эстетическое наслаждение от её совершенства.

Сначала Полине было радостно от случайных встреч с Русланом, но, когда её чувства к нему стали выходить за рамки обычной симпатии, она не на шутку встревожилась. Ведь Руслан не был её ровесником! Да что там ровесником — разница в годах казалась ей чудовищной: он был моложе её на целых восемь лет!

А Руслан, как на грех, вдруг сделался с ней исключительно любезным и разговорчивым: при встрече не просто вежливо здоровался, как прежде, а всё пытался завязать разговор, осыпая Полину комплиментами и милыми шутками. “Ой, да по твоим волосам солнышко гуляет!” — воскликнет, бывало, снимая с волос девушки божью коровку. Или продекламирует с напускной серьёзностью что-нибудь, вроде: “Нынче богиня Весны // в золоте кос появилась, // наши сердца озарив...” — недвусмысленно намекая на светлые волосы Полины. Любая другая девушка гордилась бы проявлением такого внимания со стороны Руслана, а вот Полина чувствовала себя ни больше ни меньше как преступницей. “Это недопустимо, аморально, ведь он намного моложе!” — занозой сидело в её мозгу.

Каждую ночь ей снился один и тот же сон: тьма, пустота, с одной стороны — огромная, неприступная скала, с другой — пропасть. Между скалой и пропастью — узенькая тропинка величиной в ладонь, по которой она идёт. Куда и зачем — неизвестно, но это совсем не важно, важно другое: не оступиться и не сорваться в бездну. Полина, преодолевая страх, шаг за шагом продвигается по тропинке, безуспешно пытаясь уцепиться за гладкую стену скалы... Сон всегда кончался благополучно — Полине удавалось удержаться на краю пропасти, но удастся ли ей не рухнуть в эту пропасть наяву?..

А Руслан и не подозревал о её душевном смятении. Как-то, в очередной раз встретив девушку у подъезда, он спросил:

— Ты на мои проводы придёшь?

И, не дожидаясь ответа, многозначительно добавил:

— В субботу. Я буду ждать.

И чуть коснулся Полининой помертвевшей руки своими тёплыми пальцами.

...Полина вошла в дом, как сомнамбула, почти в беспамятстве. Она поняла, что Руслан был влюблён в неё так же, как и она в него. “Господи, да ведь он же — ребёнок по сравнению со мной!” — в ужасе думала она.

Наивная душа! Ей и в голову не приходило, что в житейском отношении Руслан намного взрослей и опытней её. Полина же твёрдо была убеждена: этой “преступной” любви допустить нельзя. Значит... Остаётся одно...

Полина подошла к кухонному шкафчику. Вынула несколько упаковок таблеток. Задумалась. Может, лучше включить газ?.. Нет, нет. Соседи ни в чём не виноваты, а ведь от газа страдают и они. Вот если бы можно

было заснуть и никогда уже не проснуться, но так, чтобы не было ни больно, ни страшно...

И тут её взгляд упал на пузырьк с валерьянкой.

“Я совсем не собираюсь травиться, — успокаивала себя Полина, — я просто выпью немного больше нормы, чтобы уснуть и всё забыть, а потом я успокоюсь и проснусь... через несколько суток... и ничего страшного...”

Она одним глотком выпила всё, что там было, — почти треть пузырька — и прислушалась к своим ощущениям. Ничего страшного. Вот только слабость какая-то... очень хочется спать... и голова... голова... так странно кружится... сейчас усну — и всё...

Полина добрела до дивана и прилегла, надеясь, что её сморит спасительный сон. Но не тут-то было! Вдруг перед глазами стремительно заплясали огненные пятна, жутко похожие на кровь. Затем Полина почувствовала, что её голова как бы отделяется от тела, и тут же ощутила невыносимую головную боль и тошноту. Бедняжка едва успела добраться до ванной, как у неё началась неукротимая рвота. Вот тут-то она испугалась по-настоящему, осознав всю чудовищность своего поступка: ведь это была попытка самоубийства! Дура! Какая же она дура — зачем?!

Это было её последней мыслью. Держась за стену, Полина сползла на пол и потеряла сознание.

...Поправлялась она долго и трудно. Руслана проводили в армию без неё. А спустя полгода молодой солдат погиб в Афганистане.

Когда Полина узнала об этом, её охватили такие невыразимые муки совести, что она надолго лишилась сна, и, лёжа в ночной тишине, с отчаянием думала о том, что эта страшная беда произошла из-за неё. Логически это не поддавалось никакому объяснению, но Полина знала, что приди она тогда на проводы, поведи себя с Русланом иначе — и он бы уберётся от гибели. Однако ни вернуть, ни поправить ничего уже было нельзя. Только теперь Полина поняла, что такого, как Руслан, она никогда больше не встретит, а её жалкая жизнь и вправду бессмысленна. Но у неё не было духу ещё раз пережить весь ужас близкой и неотвратимой смерти, и девушка не пыталась покончить с собой вторично.

У неё появилась немного странная мечта: нарисовать по памяти портрет Руслана и повесить над своей кроватью. Несколько раз она бралась за карандаш, и Руслан получался почти похожим, вот только его выразительные чёрные глаза смотрели с рисунка не весело и дружелюбно, как в жизни, а грустно, отрешённо и как будто бы укоряюще. Полина рвала портрет за портретом, но потом, отчаявшись передать истинное выражение его глаз, рисовать перестала.

С тех пор она ещё больше замкнулась в себе и почти совсем “одичала” — ни с кем не дружила и не общалась, никуда, кроме работы и магазинов, не ходила, являя собой живую модель затворницы. Так она и дожидалась, а вернее, досуществовала почти до тридцати лет. Почти, потому что до тридцати осталось ещё десять минут. А потом случится чудо...

Впрочем, даже если её ожидания и не сбудутся, ничего страшного. Скоро праздник. Со вчерашнего вечера Полина приготовила винегрет, салаты “Оливье” и “Мимоза”, ждёт своего часа аппетитный “Наполеон”, сладко пахнет бананами... И никого ей не нужно, и прекрасно она отпразднует свой день рождения одна! А потом и Новый год наступит. И тогда Полина откупорит бутылочку любимого “Кагора” и включит музыку. Это будет “Ноктюрн” Шопена: печально, торжественно и романтично. И всё будет очень, очень, очень хорошо, и она тоже будет почти счастлива... Ну и что же, что “почти”? Ведь полного счастья достичь практически невозможно. Человеку всегда не хватает какой-то мелочи для того, чтобы чувствовать себя полностью счастливым. Так, может быть, вовсе и не стоит стремиться к идеальному счастью? Потому что счастье — это...

Оглушительный звонок прорезал вечернюю тишину квартиры. Звонили к Полине! Фантастика — ровно в девять, как и ожидалось! Господи!..

С гулко бьющимся от волнения сердцем, Полина поспешила к двери. Она даже не спросила, кто звонит. Звонило Счастье, которое спустя столько

тусклых, тягучих лет наконец-то её отыскало! И Полина распахнула ему навстречу двери, как должжданному гостю!

За дверью стоял мужчина. Он был приблизительно одних лет с Полиной, стройный, высокий, и даже с чёрными, выразительными глазами — совсем как у Руслана! Неужели тот самый, из её несбыточных снов?..

— Здравствуй, Тамара! — хрипловатым от волнения голосом произнёс мужчина.

— Здравствуйте, — ответила Полина обескураженно.

“Почему — Тамара? Ошибся?” — промелькнуло у неё в голове.

— Я такой вот тебя и представлял, — продолжал незнакомец, смущённо улыбаясь. — Я так и думал, что глаза у тебя — небесные, а волосы — золотые. И вообще ты — красавица! И я хочу тебе подарить то, что давно обещал...

Он откашлялся и неловко протянул девушке букет пунцовых роз, который до этого держал за спиной.

— Спасибо... Но это не мне, — упавшим голосом сказала Полина. — Потому что я — не Тамара...

Незнакомец опешил. Он смешно заморгал (Полина только теперь заметила, что у него бархатистые, густо-чёрные ресницы) и уставился на девушку так, словно услышал что-то совершенно невероятное. Розы в его протянутой руке мелко задрожали.

— Ты не шути так, пожалуйста, — умоляюще сказал он. — Я ж к тебе восемь лет добирался. Я ж на тебя, как на Богоматерь, молился. У меня и без того жизнь не медовая, чтоб такие шутки со мной шутить.

— Я не шучу, — виновато сказала Полина, — я правда не Тамара. Я — Полина. Полина Бобылёва, — уточнила она.

Незнакомец опустил руку с букетом, и розы, как-то сразу обмякнув, коснулись пыльного пола...

— Так... — бесцветным голосом обронил мужчина. — А она... Она — где?! Тамара Лихорецкая?! Где Тамара Лихорецкая проживает — не тут разве?!

— Нет, — всё так же виновато ответила Полина. — Вы извините, пожалуйста, но я не знаю такой женщины. Здесь всё время проживала я — Полина Бобылёва...

И тут Полина расплакалась. Расплакалась так горько и безутешно, как плачут только маленькие дети. Ведь разочарование — в который раз! — опять перешло дорогу её Счастью! И этот красивый мужчина, и эти чудесные розы — всё было предназначено другой! Так что же достанется на её долю — опять беспросветное прозябание?! Нет, только не это!!!

Незнакомец, казалось, пришёл в себя от её неудержимого плача. Он отбросил букет в дальний угол коридора и, поставив на пол свою дорожную сумку, принялся тормошить Полину:

— Ты чего, а? Чего ревёшь? Как тебя — Линка?

— По... по... Полина, — провсхлипывала девушка.

— Так я ж и говорю — Линка! А ревёшь чего? Это мне, дураку, реветь надо! Обманула, стерва... Лоханула по полной. Хотя — так мне и надо. Чего ж я хотел? Так и надо... Но ты-то, ты чего ревёшь?!

— Потому что я не Тамара, — удалось выговорить Полине сквозь безудержные слёзы.

— Да ты что?! Да это ж просто счастье, что не Тамара! Знаешь, кто она такая? Гадюка бесхвостая! Ты что, тоже хочешь гадюкой заделаться?!

Он так непосредственно и бурно жестикулировал, переубеждая её, что Полина немного успокоилась и даже попыталась улыбнуться.

— Ну и лады! Хватит уже киснуть, сколько реветь можно?! А то и я зареву. Так у меня ж хоть причина, а у тебя — что? Мне вот, Линка, сейчас — без брехни! — хоть с моста в воду. Мне вот сейчас — разворачивайся и — в белый свет! Некуда идти. Вот как.

Полина подняла голову и внимательно посмотрела на странного незнакомца. Правда, она не понимала, почему этому симпатичному мужчине некуда

идти, но глубокое чувство сострадания уже наполнило её впечатлительную душу до краёв.

— Если... если вам некуда идти... и негде ночевать, — я вас так поняла? — запинаясь от смущения проговорила Полина, — то я... приглашаю вас к себе! — решительно закончила она.

— А твои домашние? — опасливо спросил незнакомец.

— Я живу одна. И потом... у меня много еды... я готовилась к празднику...

“Господи, что за чушь я несу!” — промелькнуло у Полины в мозгу. Но странный незнакомец не удивился неожиданному предложению.

— Короче — пошли! — бодро скомандовал он, подхватывая с пола свою дорожную сумку.

Полина повела незнакомца в гостиную.

— Вы тут располагайтесь, пожалуйста, а я в кухне стол накрою, — сказала девушка, всё ещё не вполне веря такому необычному для неё повороту событий.

— Да чего там в кухне? Сюда тащи! — распорядился новоиспечённый гость. — У тебя ж тут стол стоит — глянть какой!

— Ну, как вам больше нравится, — улыбнулась Полина.

Войдя в кухню, хозяйка никак не могла сосредоточиться. Она лихорадочно подыскивала для гостя самую красивую тарелку, не в силах решить, какая же лучше: в горошек, в солнышки или с розочками? Кончилось тем, что все три она уронила на пол, но одна — с розочками — всё-таки уцелела.

“Это судьба!” — подумала Полина. Ей почему-то показалось, что нежные розочки предвещают удачу.

Когда она со снедью вошла в комнату, то увидела, что мужчина стоит у книжного шкафа и пристально рассматривает её книги.

— Да у тебя тут целая библиотека! И сколько всего: сказки, стихи, учебники! Грамотная ты! — с восхищением произнёс гость, прищёлкнув языком в знак высшего одобрения.

— Ну, что вы! — смутилась Полина. — Я последнее время совсем мало читаю, да и книг у меня не так уж много.

— Ничего себе “немного!” Я бы за сто лет не управился! А это кто такая? — указал гость на выполненный тушью портрет молодой прекрасной девушки, парящей над землёй в белоснежном одеянии.

— Это — муза танца, Терпсихора. Я изобразила её в полёте, — смущённо пояснила Полина, залившись густым румянцем. Обычно она никогда и никому не показывала своих рисунков, а гостя принимала не так уж часто...

— Здорово! — восторженно вышалил гость. — Слушай, а кем ты работаешь? — неожиданно поинтересовался он.

— Я... — растерялась Полина, — я...

— Секрет фирмы, что ли? — хмыкнул незнакомец. — Ну, не хочешь — не говори. Я и так всё про тебя знаю.

— Что вы знаете? — испугалась Полина.

— Ты — библиотечкариша. Угадал?

Полина поспешно кивнула, радуясь, что отпала необходимость солгать.

— В точку! У меня глаз, как алмаз: только гляну — насквозь вижу! — по-детски похвастался незнакомец.

— Ой, — спохватилась Полина, — я же вас задерживаю, а вы, наверное, проголодались! Я сейчас!..

На столе одно за другим появлялись аппетитные кушанья — сладости вперемешку с салатами. Тем временем гость бродил по комнате, увлечённо рассматривая всё подряд — книги, картины, обстановку...

— Прошу к столу! — услышал он мелодичный голос хозяйки.

Гость обернулся. Полина успела передеться, и теперь стояла перед ним в светло-голубом платье с пояском и в белых туфельках на каблучках.

Незнакомец присвистнул от восторга:

— Ух ты, ёлки-палки! Хоть сейчас под венец!

— Садитесь, пожалуйста, угощайтесь, — поспешно, чтобы скрыть смущение, сказала Полина. И добавила: — Вы извините, я сразу не спросила: как вас зовут?

— Кар... — начал было гость, но тут же резко осёкся и быстро закончил: — Карпов... Мишка.

Он настороженно покосился на хозяйку: не заметила ли она его оплошности? Но Полина ничего не заметила и не поняла. Незнакомец успокоился и воодушевился. Сев к столу, он с завидным аппетитом принялся уплетать все те лакомства, какими Полина так радушно его угощала. Сама же она почти ничего не ела, глядя на гостя печально и мечтательно. Ах, если бы он был её мужем — голодным, усталым, измученным после тяжёлой работы, — а она бы его встречала и усаживала за стол, ломящийся от вкуснятины, и смотрела бы на своего любимого, не отрываясь...

— А ты, Линка, чего сидишь? Не хочешь мне компанию составить? — спросил гость по имени Мишка, лукаво подмигнув Полине.

— Да вообще-то я не голодная...

— Слушай, Линка. Готовишь ты обалденно. Вот только на твоём праздничном столе чего-то не хватает. Догадываешься?

— Ой! Я же кагор забыла! — Полина вскочила со стула, но Мишка властно положил ей руку на плечо.

— Брось. Кагор — это дамский сироп. Покрепче ничего не будет?

— Вообще-то я непьющая, — виновато призналась Полина.

— Так Новый год же, праздник всё-таки! Ты что?!

— Знаете, Миша... Дело в том, что для меня этот праздник — двойной, хотя я его праздником не считаю. То есть... вернее, не совсем считаю... — Запутавшись, Полина умолкла. Но, собравшись с духом, закончила: — Дело в том, что мне сегодня исполнилось тридцать лет. Круглая дата...

— Ну вот! Тем более надо отметить! А ну — закрой глаза!

— Зачем? — искренне удивилась Полина.

— Закрой, говорю! — весело приказал Мишка.

Полина послушно закрыла глаза. Она слышала какой-то едва различимый шелест и недоумевала: что он затеял, этот странный гость?

— Гляди, Линка! — разрешил Мишка.

Полина открыла глаза и ахнула. На столе румянились яркие апельсины, пестрела обёрткой большая плитка шоколада, а чуть поодаль величественно красовалась бутылка шампанского.

— Ловко? — озорно подмигнул ей Мишка.

— Ой, Миша!.. Вы же, наверное, куда-то в другое место всё это несли? — пролепетала восхищённая Полина.

— Это не твоя печаль! Ты давай тащи бокалы! Выпьем с тобой за удачу в Новом году и за твой двадцатилетний юбилей! — распорядился Мишка.

— Но мне же... — начала было Полина.

— Я сказал — двадцатилетний! Приготовиться — пуск!

Пробка от шампанского буйно врзалась в потолок. Именинница восторженно взвизгнула. Мишка, протянув ей бокал с нежно-золотистой, ароматной жидкостью, вдруг стал серьёзен: его раскосые, восточного типа глаза смотрели на девушку так, словно стремились проникнуть ей прямо в душу...

Полина почувствовала, что её сердце радостно и сладко вздрогнуло, а голова закружилась. “А ведь я ещё не пила!” — подумала она удивлённо.

— Пей! — велел Мишка. — До дна! За счастье до дна пьют!

Полина не возражала. Она была согласна на всё. И если ради счастья нужно всего-навсего выпить бокал шампанского, то почему бы этого не сделать?

— Шоколадку бери, — Мишка разломил плитку молочного шоколада с орехами и галантно протянул девушке половину.

Полина благодарно улыбнулась. Нечасто удавалось ей побаловать себя таким лакомством на свою скромную зарплату! Мишка теперь казался ей посланцем самой Судьбы.

— А вы попробуйте тортик, — очень вкусный! — в свою очередь предложила счастливая именинница.

— Слушай, Линка. Может, хватит “выкать”, а? Мне ж пока не девяносто.

Полина непринуждённо рассмеялась. Теперь любая Мишкина фраза вызвала у неё неудержимый смех: будучи непьющей, она захмелела довольно быстро.

— Слушай, Линка. Хорошая ты девчонка. Готовишь вкусно, и сама красивая. В общем, всё “на пять”. Одно жалко — музыки нету. Как там насчёт музона?

— Магнитофон у меня ещё в прошлом году сгорел, а телевизор — месяц назад... — потушилась Полина.

— Да... Дела!.. — огорчённо протянул Мишка. — Гитарку бы!

— А гитара у меня есть! — встрепенулась Полина. — Я сейчас принесу!

Опротевью выбежав в соседнюю комнату, она почти тут же вернулась с шестистрункой.

— Это отцовская. Он любил на ней играть. А я не умею...

— Ясно, — сдержанно сказал Мишка. — Дай-ка.

По тому, как он взял инструмент, как пробежался по струнам пальцами, в нём сразу угадывался искусный гитарист. Настроив гитару, Мишка взял несколько аккордов и вдруг, сразу посерьёзнев, запел чуть глуховатым, мягким голосом, глядя куда-то вдаль:

*Ну, зачем я тебе, неудальй?
Полюбила? А ты разлюби.
Этой шалой весной запоздалой
Понапрасну себя не губи.*

*Нам с тобой выпадает разлука —
Видишь: пики вокруг да тrefьё...
Позабудь ты беспутного друга,
Пожалей ты сердечко своё!*

К горлу Полины подкатил непрощённый ком. Она прерывисто вздохнула и, стараясь скрыть волнение, принялась бесцельно расправлять складки на платье. А Мишка продолжал:

*Но идёшь ты всё время за мною.
Впереди — лишь беззвёздная мгла...
Что я дам тебе? Чем успокою?
Как пойти за таким ты могла?!*

*Час придёт — распропащю ночью,
Выбиваясь из сил, упаду...
Прогоню тебя яростно прочь я,
Распластавшись в безумном бреду!*

Полина слушала со всё возрастающим напряжением. Кровь то и дело жаркими волнами бросалась ей в лицо. А Мишка всё пел:

*А когда надо мною сомкнутся,
Опрокинув весь мир, облака,
Я уйду, чтоб уже не вернуться.
И тогда ты, нежна и легка,*

*Безутешную голову склонишь,
Постареешь на тысячу лет
И на грудь мою молча уронишь
Хризантем белоснежный букет...*

Полина плакала. Тут сыграло свою роль и шампанское, которого она выпила не меньше двух бокалов, и задушевное Мишкино пение, и то беспросветное одиночество, на которое обрекла её судьба... Да и сама песня её расстрогала. Смахивая струящиеся по щекам слёзы, в эту минуту Полина с осо-

бенной остротой ощутила свою неприкаянность и личную несостоятельность, но в то же время в ней зарождалось какое-то новое, светлое, возвышенное чувство. Она вдруг с замиранием сердца осознала, что этот необычный, неведь откуда взявшийся мужчина поёт для неё, а может быть, даже о ней. Как это трогательно!.. И Полина продолжала плакать.

Мишка заметил это. Правда, заметил её слёзы не сразу, — какое-то время, закончив петь, он молча перебирал струны, всё ещё глядя куда-то вдаль, грустно и отрешённо. Но вот он как будто бы очнулся. И недоумённо спросил Полину:

— Линка, да ты что?! Опять ревёшь?! Ну, ёлки-палки...

И без всякого перехода заиграл что-то озорное, быстрое, непоседливое, а потом дурашливо объявил:

— Выступает знаменитый артист хутора Козлоблеевского! Исполняется русская народная блатная хороводная песня “А я хожу по краю!” — и, захватски присвистнув, запел, задорно поблёскивая чёрными раскосыми глазами:

*А я хожу по краю,
Чтоб быть поближе к раю,
Хоть там вакансий нет уже давно...
Ну, нету — и не надо:
Не к раю — значит, к аду, —
Мне, в принципе, почти что всё равно!*

Полина невольно улыбнулась. А Мишка, заметив это, старался всюю, словно задавшись целью развеселить опечаленную девушку:

*Небрежно там достану
Бутылку из кармана,
Плесну чертям в стаканы самогон,
За хвост поймаю ловко
Весёлую чертовку —
Для ада я, как видно, сотворён!*

Мишкино суматошное веселье передалось и Полине. Она, позабыв о недавних слезах, слушала новоиспечённого артиста с восторженной улыбкой, пылая счастливым, почти лихорадочным румянцем. А Мишка знай себе наяривал:

*А я хожу по краю
И где сорвусь — не знаю,
Одной лишь только маме на беду...
Чего притихли, братцы?
Не надо волноваться —
Ведь я ещё пока что не в аду!*

А когда, ловко “припечатав” заключительный аккорд, Мишка неожидан-но подбросил и тут же на лету поймал гитару, Полина захлопала в ладоши от избытка чувств.

— Как вы... ты... хорошо играешь! — восхищённо воскликнула девушка, глядя на удивительного гостя во все глаза.

— Слушай, Линка. Я тебя вот что спросить хочу. Только не обижайся, ладно? Я вот смотрю на тебя и думаю: и чего это ты одна? Ты ж такая деваха клёвая! Я уже молчу про твои таланты, но ты ж — красавица! У тебя ж не волосы — чистое золото! Да за такой, как ты, все мужики расписаться должны! А ты — теряешься...

— Моё “золото” никому не нужно, — сказала со вздохом Полина, и голос её невольно задрожал. — А насчёт того, что мужчины предпочитают блондинок, — это не совсем так. Я даже когда-то об этом четверостишие написала, — и Полина, порозовев от наплыва эмоций, продекламировала:

*Твердят: мужчинам нравятся блондинки,
Но правды в этом нету ни крупинки:
Их вовсе не блондинки привлекают,
А наглые. И так всегда бывает.*

Продекламировала, сама удивляясь своей смелости: раньше она и представить не могла, что отважится прочитать своё стихотворение малознакомому человеку! Но Мишка уже не был для неё чужим, хотя встретились они всего часа два назад. Больше того, теперь Полина отчётливо сознавала, что познакомилась с тем, кого искала всю свою безрадостную жизнь, и что этот человек стал для неё самым близким на свете, а, возможно, вскоре станет и самым родным...

Про такое она раньше только читала, и, правду сказать, не слишком-то верила в подобную скоропалительность чувств. Но то, что сейчас происходит, — не сон, не плод её воображения! Вот он — мужчина её мечты, сидит перед ней и жадно ловит каждое её слово! Господи, какая же она счастливая! И за что ей привалило такое сумасшедшее, невысказанное счастье?! Достойна ли она его?.. Заслужила ли?..

А Мишка, тем временем, помолчав немного, сказал:

— Стишок у тебя, Линка, хороший, но неправильный. Насчёт наглых — это ты загнула. Мужчины любят знаешь каких? Понимающих. Ясно тебе?

И сам же ответил на свой вопрос, поймав недоумённый взгляд Полины: — Ничего тебе не ясно. Стой! — вдруг спохватился он. — А чего это у тебя ёлки нет? Новый год же!

Полина опустила голову, как провинившаяся школьница.

— Я совсем об этом не думала, — тихо сказала она. — И потом, ёлки обычно ставят только детям...

— А ты и есть ребёнок! — улыбнулся Мишка. И неожиданно предложил: — На карусели хочешь покататься?

И, не успевшая Полина ответить, как он подхватил её на руки и легко закружил, словно девушка была невесомой. И тут Полина, обхватив Мишку за шею, вдруг, сама не поняв, как это произошло, коснулась губами его щеки.

“Что я делаю?!” — тревожно пронеслось у неё в голове. Но она тут же мысленно возразила сама себе: “Ну и что же? Ведь это — мой день! Я так долго ждала его!”

— Я тебя люблю, — сказала она тихо и радостно.

Сказала, изумляясь тому, что ей почему-то совсем не было стыдно признаться в любви первой. Неужели такова была волшебная сила шампанского?..

Вместо ответа Мишка понёс её в спальню, — там было темно и уютно. Полина не сопротивлялась. “Я сама сделала свой выбор, и, что бы ни случилось, жалеть ни о чём не буду”, — подумала она. А вслух сказала, когда Мишка бережно уложил её на диванчик, а сам стал перед ней на колени:

— Я хочу быть вместе с тобой! Всегда быть вместе! Потому что я люблю тебя.

Она с восторгом почувствовала, что ей совсем не страшно произносить эти удивительные слова, которые теперь вовсе не казались ей ни пошлыми, ни банальными, а наоборот — наполнились каким-то новым для неё смыслом.

— Это с кем ты хочешь быть вместе? — вдруг услышала она.

— С то... бой... — пролепетала Полина, обескураженная резким тоном любимого.

— А я кто такой — знаешь? Знаешь?! Может, я бандит какой распоследний, воруяга, жулик?! Может, убийца, маньяк?! А?!

Девушка испуганно молчала, напряжённо глядясь в смутные очертания Мишкиного лица, едва заметные в полутьме.

— Может, я мучить люблю, издеваться?! Об этом не думала?! Вот возьми сейчас бритву да как полосну по твоему нежному горлышку! Тогда — что?!

— Ты так не сделаешь, — прошептала Полина. — Ты хороший...

— Как ты сказала? — мужчина, казалось, был чем-то озадачен.

— Ты хороший, — повторила Полина, касаясь его руки.

Он вздрогнул. Медленно поднял руку и осторожно провёл по золотистым Полининым волосам.

— Душа у тебя... — начал он и замолчал, подыскивая нужное слово, — душа у тебя — сиреневая... Спи, моя Златовласка. Спи — и прости меня.

Рывком поднявшись с колен, мужчина бесшумно вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Полина была немного разочарована. Ведь ей казалось, что Мишка заинтересовался ею, может быть, даже влюбился в неё так же, как она в него, а он вдруг взял да и вышел, оставив её одну... Почему? Но тут же сообразила, что иначе ему нельзя было поступить, ведь он же — человек порядочный, понимает, что Полина — девушка серьёзная, вот и решил, что всё между ними должно быть честно. Поэтому и не хочет трогать её до брака. Это подчёркивает его благородство и внутреннюю сдержанность. Какой же он хороший!..

Полина глубоко вздохнула и уснула со счастливой, безмятежной улыбкой.

...Когда она проснулась, утро было уже в разгаре. Несколько минут Полина блаженно лежала с закрытыми глазами, перебирая в памяти подробности вчерашнего новогоднего вечера. Всё было так чудесно, так романтично! Сказка, ставшая былью, — ну, чем не вариант “Алых парусов?” Вот только...

Зачем он так гадко и страшно шутил напоследок? Запугивал, изображая из себя бандита... Какой он глупенький! Разве бандиты бывают такими — ласковыми, щедрыми, весёлыми? Ворюга... Убийца... Какая чушь! Конечно, понять его можно: всё это говорилось ей с самыми лучшими намерениями, чтобы она как следует проверила свои чувства, чтобы не торопилась...

Боже, какой он наивный! Ведь Полина, как-никак, дожидается тридцати лет и очень хорошо представляет себе, каким должен быть её избранник. Он должен быть...

Внезапно Полина почувствовала, что из-под двери тянет морозным ветром. Впечатление было такое, будто в соседней комнате — сквозняк, как при открытом окне. “Наверное, Миша проснулся и открыл форточку”, — догадалась она. Но если так, то пора вставать и ей! Ведь гостю наверняка неприятно быть одному, да и позавтракать бы не мешало!

Сладко потянувшись, Полина встала и, подойдя к трюмо, сокрушённо оглядела своё измятое платье, которое вчера выглядело так эффектно...

“Ничего, — подумала она, — переоденусь потом. Сейчас — поскорее выйти к Мишеньке!”

Она открыла дверь в соседнюю комнату и — обмерла. Поскрипывало распахнутое окно. Гостя нигде не было видно. А посередине стола лежала груда драгоценностей: золотые кольца, серьги, кулоны... Мало того! Девушка заметила и вещи, принадлежащие ей лично: золотую цепочку и мамину югларную брошь!..

Не в силах осознать происшедшее, бедняжка безумным взглядом уставилась на драгоценности, появившиеся неведь откуда. Но тут она заметила ещё и клочок бумажки, придавленный бутылкой из-под шампанского — записка! Крупными корявыми буквами на ней было нацарапано всего два слова: “Прощай, дурочка”...